

- законодательства: Труды. Вып. 13. М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1978. С. 16-26.
3. Алексеев С.С. Общая теория права : В 2-х т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1981. 360 с.
 4. Мазуренко А.П. Формирование целостной и непротиворечивой системы права как цель российской правотворческой политики // Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: Сборник научных статей. Материалы V ежегодной международной научной конференции, 19-22 апреля 2010 г. / Отв. ред. В.М. Сырых, С.А. Рубаник. М.: РАП, 2011. С. 151-162.
 5. Пиголкин А.С., Казьмин И.Ф. Вопросы кодификации советского законодательства на современном этапе // Правоведение. 1981. №2. С. 13-20.
 6. Чашин А.Н. Теория юридической систематизации. М.: Дело и Сервис, 2010. 208 с.
 7. Гордиенко П.Ю. Теоретические основы техники систематизации права: специфика технико-юридического инструментария: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 288 с.
 8. Аржанов М.О принципах построения системы советского социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 26-35.
 9. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264 с.
 10. Щелокаева Т.А. Сколько кодексов нужно России? // Известия вузов. Правоведение. 2009. № 4. С. 102-108.
 11. Толстой Ю.К. Проблемы совершенствования гражданского законодательства и пути их решения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 5. С. 44-50.
 12. Желдыбина Т.А. Вопросы законодательной техники в процессе кодификации права // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 6-9.

Макогон Борис Валерьевич

профессор кафедры административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ГУМАНИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРАВОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В работе на основе анализа широкого круга источников представлена авторская позиция по проблематике качественно-оценочных характеристик тенденций гуманизации национального права Российской Федерации в юридическом процессе глобализации.

Ключевые слова: глобализация, правовая глобализация, глобализация права.

Российское право, остро реагируя на глобализацию [1; 2; 3], проявляет как тенденции, свойственные современному праву в целом [4; 5; 6], так и следствия, обнаруживающие диалектику единства и борьбы противоположностей на фоне актуального и знакового кризиса революций, о котором мы считаем уместным говорить в виду перманентного вирусного провозглашения «переходных периодов».

В рамках проблематики изменения отечественного законодательства как на конститутивном, так и на следующих уровнях, видятся фундаментальными, прямо или же опосредованно затрагивающими всю систему законодательства и даже восприятие права в целом. К примеру, это относится и к стратегической государственно-правовой политике, выразившейся, в частности, в Постановлении Конституционного Суда от 14 июля 2015 года № 21-П и Федеральном конституционном законе от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», которым устанавливается полномочие Конституционного Суда Российской Федерации разрешать вопрос о возможности исполнения (хотя, мы бы, скорее, использовали более широкий термин «реализации») решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации, а также порядок рассмотрения Конституционным Судом данного вопроса.

Общественный запрос формирует право; законодательство определяет роли социума.

Логично, соотношением количества/качества преобразований, их обоснованностью и праксиологией обусловлены социокультурный прогресс, блага в их восприятии, политический статус суверенного субъекта как таковой и его развернутая сущность. Живая система социальных связей реактивна и воспринимает достижения даже инородных культур, что предполагает некоторое, если не единение, то сближение в признании общих точек на пересечении доктрин и практик.

Одной из магистралей, с некоторой долей допущений относимой нами к социально-гуманитарному компоненту, выделим гуманизацию национального права, нашедшую выражение в российском законодательстве, практически во всех его отраслях, в наличествующем виде – как тенденцию, следствие реформирования, основанного на известных ориентирах, и как нивелир противоречий. Принципы широко трактуемого гуманизма, личностного

достоинства [7], рационально составляющие источник демократии в конституционном, уголовном, уголовно-исполнительном, административном, в отраслях процессуального законодательства, административном [8] и юридическом процессах в целом, в «процессуальных формах» [9] – своими интерпретациями формируют эталонные позиции оценивания и точки отсчета в государственно-правовой действительности.

Отклик объективного процессуального права масштабен. Нормотворец развивает систему форм и способов защиты прав человека в целом [10], обжалования решений и деяний представителей публичной власти; определены место, роль и статус присяжных и арбитражных заседателей; четко разграничены функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела; нарабатывается практика диалога с гражданами в реализации нормы, закрепившей императив о том, что суд не является органом преследования с соответствующими легальными выводами.

Вместе с тем, все же, нарушения нормального функционирования юридического процесса (читай – коррупция юридического процесса) – не редкость. Практика свидетельствует, что субъекты публичной власти, будучи обремененными специальным статусом, периодически допускают нарушения в отношении прав человека и гражданина, юридических лиц, в самых различных формах преступая в общепринятом понимании пределы возложенных на них полномочий.

Соответственно, можно сделать вывод, что процессуальные правовые нормы, составляющие современные отрасли, совокупно не решают все задачи юридического процессуального регулирования [11], а, следовательно, реализация законности затрудняется, социально-гуманистические начала права растворяются в «рисковых» категориях [12; 13].

И хотя современным государствам свойственна тенденция процессуализации законодательства, выражающая стремление на формально-юридическом уровне ограничить деятельность властных (публичных) субъектов [14; 15], о наличии именно строго выстроенной системы процессуальных правовых ограничений [16; 17], укрепленной юридической (правовой) ответственностью [18], говорить, к сожалению, не приходится, даже учитывая, что мы разделяем превалирующую в отечественной теоретико-правовой доктрине позицию, с которой правовой идеализм рассматривается в качестве деформации правового сознания.

В то же время, государственная власть без такой системы становится самодовлеющей – полностью независимой, своего рода объектом в себе.

Обладая такими характеристиками, она представляется тотально разрушительной: она последовательно превращает общество в свой

инструмент, можно сказать, срачивается с ним на заведомо неравных условиях, государство перестает быть созидующим [19]. Соответственно, исчезает население как сторона «общественного договора», пропадает обязательный признак государства и, следовательно, само государство. Такой сценарий видится крайне неблагоприятным.

Рассматривая важные в государственно-правовой доктрине особенности отечественного права, С.С. Алексеев подчеркивает, что значимым его свойством выступает «противостояние в нем (в содержании, действии, применении) элементов гуманистической направленности, демократизма с качествами, свойственными, скорее, философии права советского периода, такими, как приоритет государственных интересов (автор даже использует термин «государственное всевластие»), ориентация на силовой характер проведения государственной политики [20]. Таким образом, полагаем, справедливо раскрывается менталитет настолько большей части граждан, что по ней можно судить о населении в целом, все еще воспринимающим прошлые государственно-правовые стандарты, идеи и принципы эталонными.

Действительно, в современной России мы усматриваем выраженную мимирию административно-командного гена, формализм с неустойчивыми формами, в целом коррупцию телеологических установок в стратегиях, программах и тактиках – все это выходит за рамки категории рисков и видится, вероятно, лавинообразным кризисом.

Литература:

1. Макогон Б.В. Глобализация и переходный период государственно-правового развития России // Евразийский юридический журнал. 2012. №. 4. С. 150-151.
2. Макогон Б.В. К вопросу о сущности глобализации // Закон и право. 2012. №. 6. С. 29-32.
3. Макогон Б.В. Глобализационно-правовая зависимость в контексте развития современной России // Евразийский юридический журнал. 2012. № 5. С. 141-143.
4. Макогон Б.В. Тенденции развития национального законодательства в условиях глобализации // Бизнес в законе. 2012. № 2. С. 32-35.
5. Макогон Б.В. Особенности трансформации национального законодательства в условиях глобализации // Закон и право. 2012. №. 5. С. 15-18.
6. Макогон Б.В. Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере // История государства и права. 2007. № 3. С. 2-4.
7. Butko L.V., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Pozharova L.A., Tonkov E.E. Personal Dignity in the European Legal Culture // Journal of History Culture and Art Research. 2017. Т. 6. №. 4. С. 296-303.

8. Makogon B.V., Nikulin M.I., Samsonov V.N., Sorokoletova M.A., Tovstukha O.O. Objectives and Principles of Administrative Proceedings: Doctrinal Ideas and Legislative Wordings of the Eastern European Countries // Journal of Politics and Law. 2017. Т. 10. № 4. С. 221-224.
9. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. Legal form of action: the issues of content and methodology // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6. № S2-5. С. 402-409.
10. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Формы и способы деятельности уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 5. С. 38-42.
11. Макогон Б.В. Процессуально-ограничительное регулирование публичных правоотношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2019.
12. Новикова А.Е., Анисимов А.П. Экологические правозащитные риски: проблемы теории и практики // Адвокатская практика. 2008. № 4. С. 5-7.
13. Новикова А.Е. Риск как объект конституционно-правовой науки. Монография. М.: Издательский дом "Юр-ВАК", 2019. 98 с.
14. Макогон Б.В. Механизм процессуального регулирования общественных отношений. Монография. Москва: Издательский дом «Юр-ВАК», 2015. 152 с.
15. Макогон Б.В. Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов. Монография. Москва: Издательский дом «Юр-ВАК», 2013. 210 с.
16. Макогон Б.В. Понятие и процессуальные виды правовых ограничений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 8 (39). С. 40-46.
17. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Novikova A.E., Yarychev N.U. Logical classification of legal procedural restrictions // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6. № S2-5. С. 395-401.
18. Макогон Б.В. Синтез понятия юридической ответственности в среде процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 11 (78). С. 61-64.
19. Борисов Г.А. и др. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски [Борисов Г.А., Комаров И.М., Кучин О.С., Мархгейм М.В., Нифанов А.Н., Новикова А.Е., Носков В.А., Тонков Е.Е.]; под общ. ред. О.Н. Полухина. Москва, 2016. 416 с.
20. Алексеев С.С. Философия права. М.: Норма, 1999. 329 с.